

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.10>

Ханаева Зарина Каурбековна

ЦИКЛ УРЫЗМАГА И САТАНЫ В СТРУКТУРЕ ОСЕТИНСКОГО ЭПОСА

Статья посвящена одному из циклов осетинского нартовского эпоса - циклу Урызмага и Сатаны, вопросам сюжетосложения и циклообразования. В цикле сказаний выделяются мотивы, продуктивные в сюжетообразовании всего осетинского эпоса. Автор обращает внимание и на такой циклообразующий фактор: образам героев - Урызмагу и Сатане - в осетинском нартовском эпосе посвящен отдельный цикл, но эти эпические герои присутствуют и действуют почти во всех сказаниях эпоса, выходящих за рамки их собственного цикла. В работе отмечается, что таким образом можно говорить о разомкнутости цикла как сюжетообразующем явлении в контексте всего эпоса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 255-258. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82; 398=221.18

Дата поступления рукописи: 14.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.10>

Статья посвящена одному из циклов осетинского нартовского эпоса – циклу Урызмага и Сатаны, вопросам сюжетосложения и циклообразования. В цикле сказаний выделяются мотивы, продуктивные в сюжетообразовании всего осетинского эпоса. Автор обращает внимание и на такой циклообразующий фактор: образом героев – Урызмагу и Сатане – в осетинском нартовском эпосе посвящен отдельный цикл, но эти эпические герои присутствуют и действуют почти во всех сказаниях эпоса, выходящих за рамки их собственного цикла. В работе отмечается, что таким образом можно говорить о разомкнутости цикла как сюжетообразующем явлении в контексте всего эпоса.

Ключевые слова и фразы: мотив; сюжет; эпический герой; сюжетосложение; циклообразование; осетинский эпос.

Ханаева Зарина Каурбековна, к. филол. н., доцент

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

zk.khan@mail.ru

ЦИКЛ УРЫЗМАГА И САТАНЫ В СТРУКТУРЕ ОСЕТИНСКОГО ЭПОСА

Урызмаг и Сатана – знаменитая пара осетинского эпоса, являющаяся основой нартовского мира. Без них не обходится практически ни один сюжет осетинских сказаний.

Цикл Урызмага и Сатаны – логическое продолжение цикла «Уархаг и его сыновья» – начального цикла осетинского эпоса, продолжение генеалогического повествования об одном из трех нартовских родов Ахсартагката – фамилии мужественных, прославившейся своими героями. Все знаменитые герои осетинского нартовского эпоса принадлежат к этому роду.

Содержание сказаний цикла «Уархаг и его сыновья» довольно постоянное и устойчивое: у Уархага рождаются близнецы Ахсар и Ахсартаг – чудесная яблоня нартов – дочери Донбеттыра, владыки вод, обернувшись птицами, похищают яблоки из нартовского сада – ранение младшей из них, Дзерассы, Ахсартагом – подводное царство Донбеттыра – излечение дочери Донбеттыра – свадьба – возвращение на берег – гибель братьев – обман Дзерассой небожителя Уастырджы – рождение Урызмага и Хамыца – смерть Дзерассы – появление в склепе Уастырджы – рождение Сатаны, первого коня и первой собаки.

Таков стержень начального цикла, повествующего о родословной Ахсартагката и рождении Урызмага и Сатаны. Цикл оформился как устойчивая последовательность довольно оригинальных мотивов, почти не встречающихся в дальнейшем в активном арсенале осетинского эпоса.

Цикл Урызмага и Сатаны начинается со сказания о женитьбе Урызмага на Сатане, и это же сказание может контаминироваться со сказанием предыдущего цикла о рождении Сатаны [13, кн. 2, с. 33-35]. Здесь намечается связь между циклами как явление сюжетообразующего порядка, так как сказание, следуя логике повествования, стремится к завершенности, к досказанности, и в данном случае мы можем говорить даже о межциклической контаминации.

В цикл Урызмага и Сатаны объединены следующие сказания: женитьба Урызмага на Сатане; Урызмаг отсылает Сатану в родительский дом; Сатана и девица Борагановых; сказание о появлении пива; Урызмаг и Сатана спасают голодающих нартов; Урызмаг и Сатана спасают нартовский скот; безымянный сын Урызмага; Урызмаг и одноглазый уаиг (великан); последний балц (поход) Урызмага.

В цикле Урызмага и Сатаны представлена в основном бытовая сторона жизни нартовского общества.

Сказание о женитьбе Урызмага на Сатане обычно начинается с того, что Урызмаг отправляется в годичный балц молодожена. Отправление в балц является типичной исходной ситуацией для нартовского эпоса и довольно продуктивным мотивом, с которого начинаются многие сказания: герой отправляется в балц, где у него происходят определенные встречи, или же что-то случается дома за время отсутствия героя, как в этом сказании. Жена Урызмага Эльда готовит пиво к возвращению мужа, но оно не бродит. Это чародейство Сатаны не дает пиву забродить. Сатана ставит свои условия перед отчаявшейся Эльдой и хитростью женит на себе Урызмага. Затем следует известный эпизод с ослом (Сатана предлагает Урызмагу трижды проехать по нартовскому ныхасу (собранию) задом наперед на осле. Когда Урызмаг в третий раз проезжает по нартовскому собранию, уже никто не обращает на него внимания, а кое-кто говорит, что неспроста Урызмаг сел задом наперед на осла), как бы оправдывающий действия Сатаны, так как с точки зрения позднейших нравственных норм женитьба брата на сестре (инцест) уже не могла восприниматься как нечто естественное. «Эксперимент» с ослом призван был подтвердить правоту Сатаны в том, что «ирон фидис – дыууæ боны» («осетинский упрек на два дня», т.е. «поговорят и забудут») [14, п. 23, д. 56].

В следующем сказании цикла говорится о том, как Урызмаг отослал Сатану в родительский дом. Урызмаг разгневался на Сатану и говорит, что больше не может с ней жить. Напоследок Сатана устраивает пир и увозит опьяневшего Урызмага как самую большую ценность. В итоге они мирятся и возвращаются домой. Это довольно распространенный сюжет у многих народов. В нартовском эпосе он встречается еще в адыгской версии в цикле сказаний о Малечипх, которая таким же образом увозит пши нартов [12, с. 330-332].

В сказании о Сатане и девице Борагановых Сатана, как говорится в эпосе, принимает свой *старый* вид («йæ заронд хуыз райста») и заставляет Урызмага жениться. Урызмаг сватает девицу из рода Борагановых. Но в первую же ночь Сатана опять принимает девичий облик, *и* Урызмаг близко не подходит к Борагановской девице.

Сын Уалхага отправляется в дом к Урызмагу выяснить, в чем дело, и здесь появляется мотив домогательства женщиной мужчины. Сын Уалхага дважды прогоняет Борагановскую девицу, а на третий – она разделала ложе с сыном Уалхага.

Этот же мотив домогательства встречается в вайнахском сказании о Колой Канте [4, с. 311-316]. В вайнахском сказании с мотивом домогательства связаны ослабление героя, потеря им силы, после чего Сеска Солса спокойно может угнать стада. В осетинском же сказании, как отмечала У. Б. Далгат, «нет уже ни древнего аскетизма, ни “эпической преднамеренности” в поведении девицы» [6, с. 233].

В следующем сказании цикла о появлении пива Сатана выступает как культурная героиня, и благодаря ей у нартов появляется этот напиток.

Сказания о том, как Урызмаг и Сатана спасают нартов от голода, очень популярны. Они повествуют о том, как в Нарте начался голод. Нарты от бессилия не могут подняться. Сука Сырдона бежит среди нартов и лижет их бороды (эпизод с собакой Сырдона устойчиво повторяется во всех вариантах сказания как показатель крайнего истощения нартов). Тогда Сатана открывает свои кладовые и устраивает пир, спасая тем самым нартовский народ. Голодный год в данном случае выступает как исходная ситуация. Из этой экспозиционной ситуации развиваются многие сказания эпоса.

С голодного года начинается и сказание о безымянном сыне Урызмага. Первый эпизод этого сказания развивается, как и в предыдущем: известный сюжет осетинского эпоса о голодном годе и пире нартов, имеющий самостоятельное бытование, в этом сказании выступает как вводный эпизод.

Сатана устраивает недельный пир для голодающих нартов. Далее следует интерполированный рассказ о том, как орел уносит Урызмага с пира на камень посреди моря, Урызмаг попадает к Донбеттырам (Донбеттыр – владыка подводного мира), которые устраивают для него угощение, и здесь, наткнувшись на кинжал Урызмага, случайно погибает маленький мальчик (Урызмаг, угощая маленького мальчика, протягивает ему кусок мяса на острие кинжала). Орел приносит расстроенного Урызмага обратно на нартовский пир. Урызмаг рассказывает о своем приключении, и оказывается, что он убил собственного сына, которого Сатана спрятала у Донбеттыров – родственников матери.

Интерпретации убийства Урызмагом сына довольно хорошо известны. Этот эпизод сравнивался с убийством Рустемом своего сына в «Шахнамэ», с убийством сына Ильей Муромцем в русских былинах [10; 11]. Проводилась и типологическая параллель между Урызмагом и Кроносом, пожирающим своих детей [1, с. 25]. По вариантам, у Урызмага было семнадцать сыновей, и все они погибли от его руки [14, п. 23, д. 56]. Мотив убийства собственных детей в абхазском эпосе приписывается Сасырке, и сюжетный комплекс, связанный с этим мотивом, совпадает с эпизодом осетинского сказания [15, с. 215-218].

Осетинское сказание имеет продолжение: безымянный сын Урызмага из Страны мертвых является к Урызмагу, они вместе идут в набег к Терк-Туркам за скотом. Мальчик открывается Урызмагу, отдает ему все стадо и просит справиться по нему поминки.

Последний эпизод сказания содержит множество продуктивных мотивов, объединяющихся в устойчивые сюжетные комплексы. Это и выход из Страны мертвых с отпрашиванием у Барастыра – повелителя Царства теней, с обязательным мотивом перековывания подков коня задом наперед; это и вызов Урызмага из дома с мотивами, рисующими богатырство коня и всадника (по просьбе Сатаны выпадает снег, но вокруг спящего мальчика зеленая трава; конь своим дыханием растапливает снег и прокладывает дорогу). Здесь имеет место и общенартовский мотив – «солнце мертвых» [4]. Мальчик должен вернуться во владения Барастыра до захода солнца, и он просит солнце остановиться на мгновение [14, п. 145, д. 351, л. 122-132]. Этот мотив относится к типическим и встречается в других сказаниях осетинского эпоса (например, в сказании о Тотразе [Там же, п. 1, д. 2, л. 42-53]; в сказании о магических играх Сослана [13, кн. 2, с. 138-143]).

Следующий комплекс мотивов связан с угоном скота: мальчик переправляется через море, стада охраняют сказочные сторожа – волк с железной пастью, ворон с железным клювом и жеребец с железными челюстями; далее обязательно следует вызов за собой погони, герой обязательно встречает старуху, она просит не убивать ее сына, который первым бросится в погону за похитителем.

Сказание о безымянном сыне Урызмага насыщено мотивами, формирующими цикл. И что примечательно, мотивы эти взаимосвязаны и объединены в устойчивые сюжетно-повествовательные комплексы и в таком виде даже переходят из сказания в сказание. Так, комплекс мотивов, связанный с угоном скота, является продуктивным в циклообразовании сказаний о нарте Ацамазе, где он является одним из центральных эпизодов сюжета о мести за кровь отца [14, п. 1, д. 2].

Первый эпизод рассматриваемого нами сказания о голодном годе и пире, устраиваемом Сатаной, существует как отдельное сказание, но в данном случае он является составной частью сказания о безымянном сыне Урызмага и осложняется еще вставным рассказом о том, как орел уносит Урызмага на камень посреди моря. Этот интерполированный в эпический текст рассказ привносит в повествование идею неотвратимости судьбы, хотя идея рока, в общем, чужда нартовскому эпосу как довольно позитивному и светлому. Заключительный эпизод выхода из Страны мертвых и добытия скота тоже может существовать как отдельное сказание [13, кн. 2, с. 56-59].

Таким образом, сказание о безымянном сыне Урызмага представляет собой довольно сложное полисюжетное образование. Эпизоды сказания нанизываются друг на друга.

Сказание об убийстве Урызмагом сына может развиваться и в ином плане. Когда Урызмаг узнает, что убил своего сына, он отправляется в добровольное изгнание: уходит в безлюдные степи и живет там [14, п. 1, д. 2]. В этом случае в сказании присутствует мотив избавления от принятых им на себя добровольных мучений. Эта задача реализуется здесь вытеснением более сильными переживаниями горя, которое пришлось испытать Урызмагу. Он встречается с человеком, который пережил еще большее горе, чем он; далее следует вставной рассказ, напоминающий тему Полифема, правда, в несколько деформированном виде (архаичный образ циклопа подвергается влиянию других представлений о великанах, распространенных на Кавказе): герой с сыновьями попадает в пещеру к богатырю, который съедает всех сыновей; герою удается бежать, но великан ему наносит увечье. Тема Полифема в форме, близкой к классической, отражена в сказании об Урызмаге и одноглазом великане [Там же, п. 145, д. 351, л. 45-49].

Мотив спора является экспозиционным для данного сказания. Оно начинается со спора нартов, кто из них лучше. Затем нарты отправляются в поход за добычей. Урызмаг попадает в пещеру к одноглазому уаигу. Уаиг сажает Урызмага на вертел и засыпает. Урызмаг освобождается, накаляет вертел и выкалывает глаз великана. Утром великан поодиночке выпускает овец из пещеры. Урызмаг режет его любимого козла, влезает в его шкуру и, таким образом, ускользает от великана и еще пригоняет нартам скот.

Образ одноглазого великана хорошо известен на Кавказе. Распространение на Кавказе эпического сюжета о Полифеме исследуется в работах В. Ф. Миллера, Б. К. Далгата и У. Б. Далгат [3-5; 8; 9].

В. Ф. Миллер в работах о кавказских великанах определяет разные типы сказаний: цикл сказаний, относящихся к «формуле Полифема», и цикл сказаний, напоминающих греческий миф о скованном Прометее. У. Б. Далгат подробно рассматривает типологию и дает семантическую классификацию сюжетов с великанами на материале кавказского фольклора. У. Б. Далгат отмечает, что образ одноглазого великана подвергся влиянию представлений о других великанах, весьма распространенных на Кавказе, и это способствовало развитию архаического образа в эпико-героическом плане. Но тип одноглазого циклопа не только воспринимал определенные черты других кавказских великанов, но и сам на них воздействовал.

Существует точка зрения, согласно которой древнегреческое мифопоэтическое предание о циклопе Полифеме возникло не без влияния мифа и эпоса кочевых народов, и первоначальной родиной рассказа об одноглазом великане-людоеде является Азия. Исследователь тюркского эпоса Х. Г. Короглы пишет, что миф «о Полифеме могли принести с собой скифы, совершившие набег в Переднюю Азию еще в VII в. до н.э.» [7, с. 135]. Далее он продолжает: «Совпадение даже в деталях мифа о циклопе из киргизских степей с сарматской (осетинской. – З. Х.) версией невольно заставляет думать, что сообщение Геродота (об аримаспах. – З. Х.) отражает исторический факт: скифы перенесли этот центральноазиатский миф на запад, где он впоследствии вошел в древнегреческий эпос» [Там же, с. 138]. В свою очередь, чужеродное предание, воспринятое и осмысленное греческим мифом и эпосом, уже как собственно греческое оказывает влияние на миф и эпос народов других регионов, в том числе и Кавказа, где вновь встречается с тем же преданием в его изначальной форме [16].

«Последний балл Урызмага» – последнее сказание цикла Урызмага и Сатаны. Здесь находит отражение древний обычай убивать стариков.

Постарел Урызмаг и подвергается насмешкам и унижениям со стороны нартовской молодежи. Тогда он просит положить себя в ящик и бросить в море, так как на нартовском кладбище его нельзя хоронить. Урызмаг попадает в плен к малику и предлагает за себя выкуп. Мотив выкупа в этом сказании является центральным и находит выражение в устойчивой словесно-художественной формуле, которая имеет иносказательный смысл. Урызмаг предлагает выкуп: «Сто по сто однорогих быков, сто по сто двурогих, сто по сто трехрогих, сто по сто четырехрогих, сто по сто пятирогих» [13, кн. 2, с. 81]. Через посланных к нартам за выкупом он передает этот наказ. Смысл наказа раскрывает Сатана, и нарты собирают свои «стада войска». Таким образом, благодаря Урызмагу, нарты опять возвращаются с добычей.

Рассмотренные сказания цикла Урызмага и Сатаны дают большое количество продуктивных мотивов, и даже целые блоки продуктивных мотивов. Среди сюжетобразующих мотивов цикла выделим мотив недостачи (в данном цикле он реализуется в виде «голодного года», «холодной зимы»), мотив пира; блок мотивов, связанный с угоном скота, возвращением из Страны мертвых. И все эти мотивы, особо продуктивные для эпического наполнения цикла, дает нам в основном сказание о безымянном сыне Урызмага.

Сюжеты цикла объединяются вокруг двух героев, двух замечательных фигур осетинского эпоса. Заметим, что образ Сатаны играет выдающуюся роль во всех национальных версиях нартовского эпоса. Совсем иначе обстоит дело с Урызмагом.

Образ Урызмага неравнозначен в различных национальных версиях или же вовсе отсутствует, как в абхазской. Единственным достоинством Озырмеджа адыгской версии является то, что он муж Сатаней. Рядом с ней он совершенно безликий персонаж, не играющий никакой самостоятельной роли. Урызмаг же – один из главных героев осетинского эпоса. В. И. Абаев писал по этому поводу: «Быть супругом такой выдающейся дамы – дело нелегкое, связанное с риском обезличиться, затеряться, отойти на задний план. Однако с Урызмагом этого не случается. С большим достоинством и честью он поддерживает супружеский “ансамбль”. Рассудительность, выдержка, находчивость в минуту опасности – таковы отличительные черты старшего из нартов» [1, с. 37].

В формировании сюжетов, циклов эпоса значительная роль принадлежит доминанте героя. Эпические циклы выстраиваются по принципу наибольшего выделения героя, создания его эпической биографии. Такие классические, наиболее полные эпические биографии в осетинском нартовском эпосе – циклы Сослана и Батраза. Это действительно классические жизненные циклы, представляющие биографию героя от рождения до гибели. Цикл Урызмага и Сатаны, в отличие от классических циклов, не завершает жизненного цикла героев. Это разомкнутая система, интегрирующая в эпос.

И Урызмаг, и особенно Сатана играют значительную роль в нартовском мире. О значении образа Сатаны в осетинском нартовском эпосе писал В. И. Абаев. Он справедливо отмечал, что «сфера её активности не узкий круг любовных и семейных отношений, а вся жизнь народа в целом. Можно мыслить нартов без любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаны» [2, с. 22].

Мы уже отметили, что сказания цикла объединяются вокруг двух героев. Но надо заметить, что, хотя Урызмагу и Сатане посвящен отдельный цикл, эти эпические герои присутствуют и действуют почти во всех сказаниях эпоса. Другие герои нартовского эпоса тоже не замыкаются в рамках своих циклов, но если циклы Сослана и Батраза логически завершены, представляют жизненный путь героев от рождения до гибели, то цикл Урызмага и Сатаны не замкнут. Урызмаг и Сатана – олицетворение духа нартовского народа, поэтому они живут, пока жив народ, и исчезают со всеми нартами. Трудно переоценить роль этих героев в сюжетообразовании и циклизации эпоса (генеалогической циклизации). Урызмаг и Сатана объединяют и героев эпоса, и эпические сюжеты в целостное повествование. Это образы, проходящие через весь эпос, особенно образ Сатаны. В данном случае речь может идти о разомкнутости цикла Урызмага и Сатаны как о сюжетообразующем явлении в контексте всего эпоса. Вообще нартовский эпос в целом стремится к цикличности, к системности: от начала нартов до их гибели.

Список источников

1. **Абаев В. И.** Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау: Осетинское государственное издательство, 1945. Т. X. Вып. I. С. 1-120.
2. **Абаев В. И.** Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Наука, 1990. Кн. I. С. 7-76.
3. **Далгат Б. К.** Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. 1901. № 1. С. 35-85.
4. **Далгат У. Б.** Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 468 с.
5. **Далгат У. Б.** Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 103-161.
6. **Далгат У. Б.** Типовые черты нартовского эпоса // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 213-234.
7. **Короглы Х. Г.** Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 239 с.
8. **Миллер В. Ф.** Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1883. Вып. 1. Ч. 225. С. 100-117.
9. **Миллер В. Ф.** Кавказские предания о циклопах // Этнографическое обозрение. М., 1890. Кн. II. С. 25-44.
10. **Миллер В. Ф.** Кавказско-русские параллели // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. X. № 3. С. 166-190.
11. **Миллер В. Ф.** Экскурсы в область русского народного эпоса. Главы I-VIII. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко; Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1892. 301 с.
12. **Нарты. Адыгский героический эпос.** М.: Наука, 1974. 420 с.
13. **Нарты. Осетинский героический эпос:** в 3-х кн. М.: Наука, 1989-1991. 1990. Кн. I. 431 с.; 1989. Кн. II. 492 с.; 1991. Кн. III. 175 с.
14. **Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А.**
15. **Приключения нарта Сасрыквы и его 99 братьев.** Сухуми: Алашара, 1988. 260 с.
16. **Шталь И. В.** Эпические предания Древней Греции. Гераномахия: опыт типологической и жанровой реконструкции. М.: Наука, 1989. 301 с.

URYZMAG AND SATANA CYCLE IN THE STRUCTURE OF THE OSSETIAN EPOS

Khanaeva Zarina Kaurbekovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz
zk.khan@mail.ru

The article is devoted to one of the cycles of the Ossetian Nart sagas – Uryzmag and Satana cycle, the problems of the storyline development and the cycle formation are considered. Within the cycle the author identifies the motives productive for the storyline development of the Ossetian epos in general. Special attention is paid to such cycle-formative factor as characters' images. There is special Uryzmag and Satana cycle in the Ossetian Nart sagas, but these epic heroes exist and act nearly in all the tales, which are beyond their own cycle. It leads the author to the conclusion that the unclosed cycle can be considered as a story-formative phenomenon in the context of the whole epos.

Key words and phrases: motive; story; epic hero; storyline development; cycle formation; Ossetian epos.